

Ида МАРТИН

**ТО, ЧТО ДЕЛАЕТ
МЕНЯ**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М29

Серия «Виноваты звезды»
Дизайн обложки: *Екатерина Климова*

Мартин, Ида
М29 То, что делает меня / Ида Мартин. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 478 с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-111253-0

Одиннадцатиклассник Никита вынужден переехать к отцу и отправиться в новую школу. Но прежде чем он успеет познакомиться со своими непростыми одноклассниками, ему в руки попадает чужой загадочный телефон. Однако все начинается не с таинственных сообщений, приходящих на этот сотовый, и не с прекрасной рыжеволосой девушки, заставившей его с первого взгляда потерять голову. Все начинается с твердого решения Никиты — доказать всем, что он чего-то стоит.

© Ида Мартин, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

В каждом человеке солнце, только дайте
ему светить.

Сократ

Глава 1

Первый удар пришелся в солнечное сплетение, дыхание перехватило, я согнулся пополам, и в ту же секунду чья-то здоровенная ножища в грязной потрепанной кроссовке впечаталась прямоком в нос. Резкая боль отдалась в висках, в глазах потемнело, и я беспомощно завалился на бок. Теперь меня пинало уже несколько ног.

На то, что меня не станут бить, я надеялся до последнего. Наивно было рассчитывать уболтать их, но попытаться стоило.

Вероятно, привязались они возле салона сотовой связи. Но понял я это, когда уже успел прилично углубиться во дворы. Хотелось поскорее рассмотреть новый пятидюймовый мобильник «сяоми» — папин запоздалый подарок на семнадцатилетие. Достал его из коробки прямо на ходу. Стоило поменять карту памяти еще в салоне вместе с симкой, но на радостях я слишком торопился. Вытащил «сяоми», кинул коробку в пакет и, выковыряв малюсенькую карточку из своего старого желтенького «Самсунга», аккуратно вставил в тонкую щель. Воткнул наушники, открыл плей-лист — красота. Все снова вернулось на свои места. Мои мелодии, мои мысли, озвученные чужими голосами, мой личный, неприкосновенный мир.

В качестве лучшего лекарства от стресса «Пилоты»¹ советовали делать ароматизированные свечи с запахом

¹ «*Twenty One Pilots*» — американская группа.

далекого детства. И я подумал, что такие свечки мне бы очень понадобились. Потому что слово «стресс» вот уже который день было моим вторым именем.

Я сделал бы свечи с запахом моря, нагретого песка и прохладных простыней отеля. Ароматом маминых духов «Гуччи», лимонного освежителя из ее машины и «Альпийских лугов», которыми пахли все наши вещи до тех пор, пока Игорь не сказал, что магазинные ополаскиватели могут вызвать аллергию. Всем тем, что ушло и уже больше никогда не повторится. А еще этим последним днем лета: городской пылью, бензином, разбитым арбузом на асфальте и пластиком нового мобильника. Днем, когда единственное, что у меня осталось своего, — только вот этот мир в наушниках.

Я был слишком поглощен мыслями, чтобы глазеть по сторонам. Очень глупо и легкомысленно, особенно когда ты в новом районе и от метро до дома ходил всего один раз. А как поднял голову, понял, что заплутал.

Незнакомые дома, дворы, маленькие асфальтовые дорожки, детские площадки, припаркованные у подъездов машины. Все как везде. Но куда идти, я не имел никакого представления.

А те парни, как шакалы, все это время шли по пятам. Местная шушера — человек пять или шесть. И когда я сообразил, что происходит, было поздно. Дорога вела мимо старых зеленых гаражей: глухое место, народу никого, хотя времени всего-то начало шестого, я один, а они чуть ли не в затылок дышат. Идут, гогочут, отпускают мерзкие шуточки.

Я сунул телефон в карман шорт, ссутулился и стал прикидывать, получится ли убежать, если неожиданно сорваться с места, или лучше попробовать договориться. Но тут как раз противный, гнусавый, голос окликнул:

— Слышь, пацан, одолжи телефончик.

Ладони мигом вспотели, под ложечкой засосало. В голове не появилось ни одной отмазки. Я ускорился и приготовился рвануть, бегал я все-таки неплохо, но в этот момент кто-то сзади резко дернул за пакет. Ручки оборвались.

От неожиданности я притормозил, и уроды тут же окружили меня.

— Мобилу давай, — прогнусавил развязный прыщавый парень на вид чуть помладше меня. Во всяком случае, ниже и худее.

Остальные противные морды злорадно оскалились. С радостью бы плюнул в каждую из них, но для такого финта крутости мне явно не хватало, да еще и в чужом районе.

У него была синяя футболка с надписью «Just do it later». И я, вместо того чтобы ответить что-то достойное, почему-то стал думать о том, как это вышло, что Шая Ла Баф¹ так быстро вырос.

— Накидай ему в рыло, — крикнул кто-то сзади.

И это наконец вывело меня из ступора.

— Да ладно вам, — сказал я как можно небрежнее. — На фига вам телефон? От них мозги закипают. У нас в школе одному чуваку в прошлом году из-за трубки голову оторвало. Вот так взял чужой телефон без спроса, а тот бац — и взорвался. Новая корейская фишка, антивор, типа. Нелегально, конечно, но офигенно эффективно. Я за это приложение пятьсот рублей выложил. Но пока не проверял.

— Че ты гонишь? — озадаченно протянул прыщавый. Его стая притихла. Слушали.

¹ *Шая Ла Баф* — американский актер.

Я очень рассчитывал на то, что с минуты на минуту по этой дорожке кто-нибудь пройдет и шакалы не станут меня трогать на глазах у прохожих.

— У тебя новый телефон, ты бы не успел ничего установить, — заявил высокий кудрявый парень, видимо, самый сообразительный из них.

— То приложение у меня на карте памяти. И как только попадает в устройство, сканер головы тут же активируется.

— Что за сканер? — недоверчиво и злобно прищурился прыщавый.

— Ну как, — я добавил в голос нотки уверенности, — знаешь же про распознавание лица? А тут сразу определяются очертания головы владельца. Это же корейцы, они по технологиям скоро Китай догонят.

В тот момент я все еще надеялся, что обойдется, но, наверное, переоценил их терпение и способность воспринимать информацию, потому что прыщавый ударил резко и неожиданно, так, что я даже закрыться не успел.

А уже после того, как я свалился и меня захлестнула волна боли, я вдруг вспомнил, что на первых «Трансформеров» мы ходили вместе с папой, когда он еще жил с нами, и Шае в том фильме было примерно столько же, сколько мне сейчас. Только у него был Оптимус, а у меня только два обычных телефона, которые ни во что не трансформируются. И которые кто-то бесцеремонно вытащил из кармана в ту же минуту, как я о них подумал.

Но тут послышались другие голоса, удары прекратились, и я еще толком не понял, что чувствую, как кто-то потряс за плечо:

— Ты как?

Я открыл глаза и сначала увидел перед собой голые загорелые коленки, а потом и молоденькую девушку в корот-

кой коричневой юбке, присевшую возле меня. У нее были рыжие волосы и огромные янтарные глаза с длинными черными ресницами. Тогда она показалась мне невероятно красивой.

Осторожно приподнявшись на локте, я вытер разбитый нос. Вид крови меня прилично подкосил, поэтому пришлось откинуться на спину, чтобы не дай бог девушка заметила, что я совсем раскис.

Тело ныло, во рту скопилась противная кровавая слюна, в голове будто пропеллер крутился.

— Жив? — темноволосый парень в легких песочных брюках и белой лакостовской рубашке-поло протянул руку.

Я машинально ухватился за нее и в ту же минуту был на ногах.

Девушка достала бумажные носовые платки и дала один мне, а другой парню, чтобы тот вытер испачканную в моей крови ладонь. У платка был приятный сладковатый аромат персика, и я решил, что этот запах теперь тоже надолго запомню.

— Спасибо, — сказал я, невольно хлюпая носом и чувствуя жуткий стыд из-за своего жалкого положения.

— Домой доберешься? — парень внимательно вглядывался мне в лицо.

У него были низкие густые брови и большие темные, с тяжелыми веками глаза, отчего пристальный взгляд тоже казался тяжелым.

— Надеюсь, — неуверенно отозвался я, а потом сразу решил пояснить: — Я в этом районе плохо ориентируюсь. Мне кирпичная семнадцатизэтажка нужна. Полукруглая такая, с арками. Там еще химчистка и парикмахерская.

Парень переглянулся с девушкой.

— Мы бы проводили, — сказал он после некоторого молчания. — Но и так на сеанс опаздываем.

— Иди вон до тех пятиэтажек, — девушка махнула рукой в сторону, откуда я пришел, — за ними будет длинный белый дом, отделанный голубыми панелями. Вдоль него до школы. Затем через школьный двор, там с одной стороны детский сад увидишь, а с другой...

Она осеклась. По соседней дорожке медленно, с любопытством уставившись в нашу сторону, проехали двое ребят на большом черном мотоцикле.

Тот, что сидел сзади, в клубной футболке Манчестера, приветственно поднял два пальца вверх. Девушка помахала в ответ.

— После детского сада я найду, — прогнусавил я, зажав кровоточащий нос платком. — Спасибо.

Они быстро ушли, а я, подобрав затоптанные наушники, медленно двинулся в сторону пятиэтажек.

Телефон было жалко до невозможности. Я ждал его с июля, со своего дня рождения. Папа обещал подарок, как только я переберусь к нему. И это было единственной причиной, хоть как-то скрашивающей тягостную неизбежность переезда.

Переезжать я не хотел, и мы довольно сильно поссорились из-за этого с мамой. Целую неделю не разговаривали, а потом я, понадеявшись, что она передумала, попытался помириться, но оказалось зря.

— У меня тоже есть право на личную жизнь, — раздраженно заявила она. — Наконец все стало налаживаться, а тут ты со своими капризами. Семнадцать лет — немалый срок. Все это время я занималась только тобой, а теперь у меня появился ребенок.

— Получается, я не твой ребенок.

— Ну, конечно, мой. Но далеко не ребенок. У тебя рост сто восемьдесят и нога сорок третьего размера.

— Сорок второго.

— Никита! Не нужно ерничать. Это не обсуждается. Летом отдохнешь у бабушки Гали, а с первого сентября как миленький отправишься к папе. Счастье, что он согласился тебя взять.

— Mam, прошу, — я очень старался договориться по-хорошему. — Хочешь, буду помогать с Аленкой? Могу на молочку ходить и во всей квартире хоть каждый день убираться.

— Это всего на год. Как закончишь школу, что-нибудь придумаем.

И так это просто получалось: «всего-то на год». Может, для нее год не срок, а как по мне, так целая вечность. Триста шестьдесят пять дней заточения в невыносимых условиях. А ведь я ничего плохого не сделал, ни в чем не провинился, просто у нее «наконец все стало налаживаться».

Мама познакомилась с Игорем три года назад в Турции, прошлым летом они поженились, а этой весной родилась Аленка.

В целом Игорь был нормальный: ни плохой, ни хороший, обычный сорокалетний мужик — тренер в фитнес-центре, разведенный и повернутый на здоровом образе жизни. Вначале он проявлял ко мне некое дружелюбие, даже радиоуправляемый вертолет подарил, но потом, после их свадьбы, я стал для него чем-то вроде мебели. Мое внимание ему тоже особо не требовалось. Зато мамино полностью переключилось на него.

— Можно мне хотя бы в школе своей остаться?

— Это на другом конце Москвы. Полтора часа дороги.

— Мне несложно, а новеньких нигде не любят. Их третируют и гнобят.

— В таком случае, — откликнулась мама довольно равнодушно, — у папы появится отличная возможность восполнить пробелы твоего мужского воспитания.

Сказала она это с такой долей скептицизма, что мне стало немного обидно за папу. Ведь, пока они не развелись, он занимался со мной не меньше, чем она. Дело в том, что у мамы был бзик — сделать из меня какого-то суперчеловека. Супергения и супергероя в одном флаконе.

С двух лет меня ежедневно водили во всевозможные группы развития, кружки и секции: логопед, йога, ритмика, шахматы, английский, акварель, веселый счет, гимнастика, футбол, легкая атлетика, прыжки с трамплина, уроки красивого письма, артистическое фехтование... Перечислять можно было до бесконечности.

В будние дни мама возила меня на своей машине по всему городу, умудряясь одновременно еще и работать. Я вообще плохо помню ее без телефона в руке. У них с подружкой бизнес свой, туристический. Очень нервное и ответственное дело, поэтому вечером, когда мы наконец оказывались дома, а папа приходил с работы, родители начинали долго и неприятно ругаться, после чего папа прятался в моей комнате и читал мне книжки. Он говорил, что я действую на него успокаивающе. А в выходные дни на занятия я ездил с ним. И в кино мы вместе ходили, и на «Игромир». Папа, в отличие от мамы, никуда не мчался, не паниковал, не раздражался и, как ни странно, везде успевал. Одним словом, раньше папу я любил и готов был переехать к нему, даже бабушку бы вытерпел, но жить в одной комнате с его недоделанным приемным сыном было слишком.

— Умоляю, мама, я и дня не вынесу с этим придурком.

— Ваня не придурок. У него оценки лучше твоих. Он просто больной и очень несчастный мальчик.

— Но у меня здесь друзья и...

— Друзья? — мама закатила глаза, точно я сморозил невероятную чушь. — Вот только не нужно этой высокопарной лирики. Друзья, Никита, — это такой атавизм,

пережиток прошлого, когда у людей было много свободного времени и они не могли справиться со своими проблемами в одиночку. А в современном обществе, в условиях жесточайшей конкуренции, дружба — это тебе не детсадовское «один за всех и все за одного», а осознанное взаимовыгодное сотрудничество, где люди приносят друг другу пользу. А от твоего Боряна и Вовки Петухова никакой пользы. Так что тебе вполне хватит соцсетей, которые с переездом никуда не денутся.

И тут я понял, что больше уже не могу сдерживаться.

— Ах, так! Ну и ладно! Ты еще пожалеешь, — я же старался по-хорошему, но она сама не захотела. — Если меня из той школы выгонят, если я сбегу из дома или придушу этого придурка, не удивляйся. Все, что там со мной случится, будет на твоей совести.

Но мама закрыла уши ладонями и ничегошеньки не слышала. А потом все равно сделала по-своему.

Я прошел мимо пятиэтажек и обнаружил, что никакого длинного белого дома не вижу, а за последним корпусом начинается самый настоящий лес. И пока я растерянно стоял, соображая куда идти, по узкой асфальтовой дорожке, тянущейся вдоль леса, снова проехали те ребята на мотоцикле и, заметив меня, проводили долгим пристальным взглядом.

Я почесал обратно очень быстрым шагом, почти побегал. Мало ли что этим взбредет в голову.

Но только я дошел до перекрестка, чтобы попробовать другой путь, как из носа хлынула кровь. Платка больше не было, я зажал нос и кое-как доковылял до ближайшей лавочки. Сел и принялся утираться подолом футболки, хорошо, что она была бордовой, и кровь на ней выглядела не так ужасно. И тут я снова услышал звук мотора. Оторвал футболку от лица — и точно: подкатили и остановились. Пришлось сделать вид, что просто сижу и не замечаю их.

— Голову подними,— сказал один низким хриплым, как говорят, прокуренным голосом.

Я не шелохнулся. Густые темные капли одна за другой появлялись на асфальте прямо между моими красными «конверсами».

— Хочет, чтобы у него мозг через нос вытек,— тот, что в «Манчестере», спрыгнул с мотоцикла. Подошел, положил руку мне на плечо и с силой надавил. — Запрокинь голову, тебе говорят. И на вот, приложи.

Он сунул мне ледяную бутылку пол-литровой «Аква Минерале». Я осторожно посмотрел сначала на него, потом на того, что был за рулем. Оба улыбались так, будто увидели что-то смешное.

«Манчестер» — светловолосый невысокий, но крепкий, в узких подвернутых джинсах и полукедах без носков — похоже, был моим ровесником. Глаза у него были очень яркие, светло-синие и сияющие, а морда смазливая.

Другой, скуластый, с выбритыми висками и взъерошенной челкой, казался постарше. На нем были спортивные штаны милитари и черная футболка с Джокером Леджера, а на шее с правой стороны красовался большой черный дракон, точнее, его ощеренная пасть и изогнутая шея, тогда как туловище пряталось где-то на плече под футболкой.

Оба пацана, в отличие от той шпаны, которая меня кинула, выглядели очень спортивно и реально опасно, однако бить, похоже, не собирались.

— Не вытечет,— отозвался я.— Если бы он был, я бы сейчас здесь не сидел.

Парень с драконом тоже слез с мотоцикла, подошел, достал пачку сигарет, раскрыл и протянул мне.

— Спасибо. Не курю.

Он пожал плечами, закурил сам и сел рядом со мной на лавку, а «Манчестер» остался стоять напротив, засунув руки в карманы и тихо посмеиваясь.

— Ты че, как щенок брошенный, по всему району мечешься? Заблудился?

— Немного, — признался я.

— Наваляли? — хрипло спросил второй.

— Угу. Телефон забрали.

— Фигово, — сочувственно покачал головой Манчестер. — Хороший?

— Новый совсем. Только купил. И еще старый прихватили до кучи. Но на него плевать.

— Как выглядели?

— Пацаны. Лет шестнадцать-семнадцать. Человек шесть. Морды гнусные, но на деревню не похожи.

Парни многозначительно переглянулись.

— Ну а ты хоть кого-нибудь без зубов оставил? — тот, что с драконом, медленно выпустил изо рта дым.

— Вряд ли, — я вспомнил, как беспомощно валялся на земле.

— А что так? Не хиляк вроде, — он пощупал мои бицепсы, и я почувствовал себя полным дураком.

Лицо у него было гладкое, точеное, с детским румянцем на скулах. Хорошее открытое лицо, только рваный шрам на подбородке, а нос немного длинноват и, похоже, сломан. Особенно это было заметно сбоку, когда он улыбался.

Поймав мой изучающий взгляд, парень вопросительно поднял брови.

— Прикольная тема, — я кивнул на дракона, — меня бы отец за татуху прибил.

Я был уверен, что мой интеллигентный и правильный папа в столь экстремальном случае вполне мог пойти на детоубийство.

— У меня отца нет, а матери без разницы, лишь бы не бухал.

— Моя мама сразу бы истерику закатила. Из-за школы в основном.

— В школе, конечно, вонь начнется, — кивнул он. — Они еще не видели. Ладно, отобьюсь как-нибудь.

— Вы из этой школы? — я кивнул в неопределенном направлении, потому что понятия не имел, где вообще нахожусь.

— Из этой? — спросил Манчестер. — Их там две рядом.

Номер я, естественно, не помнил, но кое-как объяснил, что там перед входом в школу стадион, а с другой стороны — аллея. И что я в нее пойду уже завтра.

— В какой класс? — заинтересовался Манчестер.

— Одиннадцатый «А».

— Это к нам, — он тут же протянул руку. — Леха.

Тогда второй тоже назвался:

— Тифон.

— Это фамилия?

— Это я, — он рассмеялся с той же низкой хрипотцой. — Самое сильное существо в мире. Отец всех чудовищ. Монстр такой греческий, типа дракона. Повелитель ветров. Ну а по паспорту — Андрей. Откуда ты Ярова знаешь?

Он докурил и метко пульнул окурок в урну.

— Когда мы мимо ехали, ты с ними стоял, — пояснил Леха.

— В первый раз видел. Он тех пацанов круто разогнал. Хотя и пальцем никого не тронул.

И тут в один момент Тифон переменялся. Больше он не улыбался, спина выпрямилась, плечи расправились, приветливый прежде взгляд темно-серых, чуть прищуренных глаз стал колючим. От него повеяло опасностью и холодом.

Это произошло так неожиданно, что я растерялся, а Лехина комичная гримаса немного испуга окончательно сбила с толку.